

Российская академия наук
Институт археологии

Т Р У Д Ы

II (XVIII)

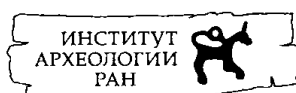
ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
СЪЕЗДА

в Суздале

Поляков-2008-б

Том I

Ответственные редакторы
Академик *А.П. Деревянко*
Член-корреспондент РАН *Н.А. Макаров*

Москва 2008

А.В. Поляков

Институт истории материальной культуры РАН

Об особенностях северной границы распространения карасукских памятников «классического» этапа

Ареал могильников и поселений «классического» этапа карасукской культуры имеет четко выраженные границы (Членова, 1968. С. 84; Вадецкая, 1986. С. 51–76; Лазаретов, 2001. С. 104). Все они локализуются исключительно в пределах Хакасско-Минусинских котловин. Основная особенность заключается в том, что памятники этой группы занимают три южные котловины, но до сих пор не обнаружены в самой северной, Назаровской. Это наблюдение особенно важно, учитывая то, что между Чулымо-Енисейской и Назаровской котловинами никакой серьезной географической преграды нет. Именно по этому степному коридору несколько ранее на Средний Енисей проникло население, оставившее памятники андроновской (федоровской) культуры (Максименков, 1978. С. 75–86; Вадецкая, 1986. С. 46). Закономерно возникает вопрос: если нет географического препятствия, то по какой причине ареал памятников «классического» этапа имеет столь четко очерченную северную границу. Ответить на него поможет детальное изучение двух наиболее северных комплексов – могильников Орак у Болота (Комарова, 1975. С. 85–94) и Ужур (Членова, 1966. С. 212–228). От других карасукских памятников их отличает одна общая черта. Практически во всех погребениях, имеющих достаточную степень сохранности, наблюдается механическое смешение черт погребального обряда андроновской и карасукской культур.

В частности, в могилах 4 и 6 могильника Орак у Болота (III) есть основания подозревать захоронения по обряду трупосожжения – традиции, совершенно неизвестной для карасукских памятников, но составляющей заметный процент в андроновских (федоровских) погребениях региона (Максименков, 1978. С. 60, 61). М.Н. Комарова на основании дневников

Г.П. Сосновского отмечает по поводу могилы 4: «В западной части ограды, под дерном, обнаружены 2 скопления обломков обожженных костей человека, угли и береста, возможно от одного погребения. Обнаружены 2 сосуда и между ними бронзовый нож». (Комарова, 1975. С. 89). Несмотря на андроновский по своей сути обряд, упомянутая керамика имеет карасукский облик (Там же. Рис. 4, 4, 5). Аналогичная ситуация в могиле 6. Снова андроновская традиция трупосожжения сочетается с характерной карасукской керамикой.

На чертежах могильника можно отметить еще две важные особенности. Во-первых, в двух случаях у погребенных наблюдается сильно подогнутое положение ног, что совсем не характерно для карасукского обряда, но вполне естественно для андроновского (Там же. Рис. 1, 5, 9). Во-вторых, при сооружении могил часто используется дерево (грунтовые ямы вместо ящиков и деревянные перекрытия из жердей). Это крайне редкое явление для карасукских памятников «классического» этапа. Обычно подобные случаи устойчиво связаны с формированием каменноложского этапа (например, могильник Сабинка II). Но погребения могильника Орак у Болота на основании керамики должны быть отнесены к ранним хронологическим горизонтам карасукской культуры. Возможно, в этом случае традиция использования дерева была перенята у андроновского населения, для которого срубы и деревянные перекрытия являются неотъемлемой частью обряда (Максименков, 1978. С. 57–60).

Не менее интересная ситуация прослежена при раскопках могильника Ужур, расположенного всего в 20 км к востоку (Членова, 1966. С. 212–228). В его материалах тоже фиксируется большой спектр андроновских признаков. Особо следует остановить

ся на четырех не потревоженных погребениях, что является большой редкостью для карасукской культуры (т. к. материалы могильника опубликованы только частично, приводятся данные отчетов: ИА. Р-1. Д. 1169, 3808). В могиле 1 кургана 2 могильная конструкция представлена трапециевидным по форме каменным ящиком – признак явно карасукский. Но положение погребенного в могиле скорее относится к андроновской традиции: ноги сильно подогнуты, тело ориентировано головой на запад, положение рук, к сожалению, не зафиксировано. Более того, два сосуда расположены один «перед лицом», а другой «за затылком» – случай, для карасукской культуры уникальный. Аналогичное размещение посуды не раз отмечалось исследователями в андроновских погребениях (Максименков, 1978. Табл. VI, 4; VII, 5; XXII, 7). Сами сосуды относятся к кругу карасукских материалов ранней части «классического» этапа. В могиле 3 ограды 5 кургана 1 этого же могильника зафиксирован не менее характерный случай. В трапециевидном каменном ящике с карасукским по описанию сосудом обнаружен костяк, находящийся в традиционном для андроновской культуры положении: скорченно на левом боку, ноги сильно подогнуты, руки кистями перед лицом. Однако ориентирован погребенный головой в восточном направлении, а в могиле обнаружена сопроводительная пища, что скорее свидетельствует в пользу карасукской принадлежности этого захоронения.

Еще две не ограбленные могилы (6 и 7) обнаружены бок о бок в ограде 8 того же кургана 1. Они настолько однотипны, что могут быть описаны совместно. В могилах похоронены подростки на левом боку, головой в восточном направлении, ноги сильно согнуты. В обоих случаях зафиксировано чрезвычайно редкое положение рук – левая вытянута вдоль тела, правая кистью перед лицом. Можно сказать, что это промежуточный вариант между андроновской и карасукской традициями размещения рук (Максименков, 1978. С. 60; Поляков, 2006. С. 12). Кроме того, в этих погребениях сосуды расположены за затылком, а сопроводительная пища отсутствует. К сожалению, о типах сосудов можно судить только на основании мнения автора отчета. В одном случае указано «карасукский сосуд» (п. 7), в другом – «сосуд баночной формы» (возможно андроновский). Остальные погребения этого кургана, судя по описанию и отдельным фотографиям, демонстрируют посуду исключительно карасукских типов. Они сильно потревожены и не позволяют установить деталей обряда.

Все вышеперечисленные случаи, объединяющие два рядом расположенных могильника, можно считать в полной мере отражающими процесс взаимо-

действия андроновского и карасукского населения. Признаки обеих культур представлены примерно в одинаковой пропорции. Если бы подобные погребения равномерно встречались по всему ареалу андроновской и карасукской культур на Среднем Енисее, то сомнения в их преемственности даже не возникало бы. Это заметно укрепило бы позиции сторонников автохтонного развития культур региона в эпоху поздней бронзы (Зиел Динь Хоа, 1966; Комарова, 1975. С. 92–94; Максименков, 1978. С. 110–121). Однако все эти случаи сконцентрированы только в двух самых северных могильниках, где раскопаны очень скромные, по карасукским меркам, серии погребений (9 и 35 могил). Южнее, несмотря на гораздо более значительные объемы работ, не отмечено ничего похожего. Зато в памятниках Ужур и Орак III практически любое карасукское погребение, имеющее достаточную степень сохранности, демонстрирует сразу целый спектр характерных андроновских признаков. Опираясь на их особое географическое положение, можно прийти к вполне определенному выводу. Вероятно, именно по границе между Назаровской и Чулымо-Енисейской котловинами, в зоне довольно узкого степного коридора, располагалась контактная зона двух групп населения: андроновской и карасукской. Причем фиксируются признаки механического смешения двух обрядов, а не взаимного перетекания (например, отсутствуют переходные формы сосудов). Все это позволяет допускать некоторый период сосуществования двух культур в различных районах, что полностью подтверждает мысль, высказанную С.А. Теплоуховым почти 80 лет назад. Он предполагал продолжение проживания в Западной Сибири андроновского населения на протяжении, по крайней мере, части карасукского времени (Теплоухов, 1929. С. 44, 45).

Это наблюдение имеет серьезное значение для решения сложного вопроса происхождения карасукской культуры. Существование четко выраженной границы ставит под большое сомнение возможность постепенного формирования карасукской традиции на основе местной андроновской. Гораздо более обоснованной в этом свете выглядит миграционная гипотеза, предполагающая значительно большее участие новых культурных элементов, сформировавшихся в ином регионе. При этом нельзя исключать, что они тоже имеют андроновское происхождение.

Вадецкая Э.Б., 1986. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л.

Зиел Динь Хоа, 1966. Местная основа карасукской культуры (в связи с новыми работами Красноярской экспедиции АН СССР): Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л.

- Комарова М.Н., 1975. Карасукский могильник близ улуса Орак // Первобытная археология Сибири. Л.
- Лазаретов И.П., 2001. Локализация и проблемы взаимодействия культур Южной Сибири // Евразия сквозь века. СПб.
- Максименков Г.А., 1978. Андроновская культура на Енисее. Л.
- Поляков А.В., 2006. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Теплоухов С.А., 1929. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л. Т. IV. Вып.2.
- Членова Н.Л., 1966. Взаимоотношения степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины (по материалам Ужурского могильника) // Древняя Сибирь. Новосибирск. Вып. 2.
- Членова Н.Л., 1968. Карасукские находки в первой излучине Чулыма // КСИА. Вып. 114.